

Рекомендуем материалы
раздела библиотеки
«Весна народов: 1848-1849 гг.»
<http://istmat.info/node/28559>

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2014

СТАТЬИ

Вопросы истории. 1948, № 4 Желубовская Энна Адольфовна

БЕЛЬГИЯ В 1848 ГОДУ

Одной из важнейших проблем, вставших перед европейской дипломатией с первых же дней февральской революции во Франции, был вопрос о ближайшей судьбе Бельгии. Последует ли Бельгия примеру Франции, подобно тому как она следовала её примеру во время двух предшествующих французских революций? Вопрос этот внушал величайшее беспокойство европейским правительствам в конце февраля — начале марта 1848 года.

Победу республиканского строя в Бельгии правящие круги главных европейских государств рассматривали как «прелюдию» к неизбежному присоединению — полному или частичному — Бельгии к Франции. Этого европейские правительства, и в первую очередь правительство Англии, не намерены были допустить. В период, непосредственно следивший за французской революцией, они настороженно следили за перипетиями внутренней политической жизни Бельгии, готовые к активному вмешательству при первой опасности республиканского переворота в этой стране.

Вот почему, как только опасность такого переворота миновала, министр иностранных дел Англии счёл необходимым особо поздравить бельгийского короля Леопольда I. «Я счастлив, — писал Пальмерстон 15 июня 1848 г. Леопольду, — поздравить Ваше Величество по случаю спокойствия, непрерывно царящего в Вашем королевстве. Можно сказать, что бури, опустошившие почти весь европейский континент, лишь способствовали ещё большему укреплению основ трона Вашего Величества»¹.

Подобно Пальмерстону и другие европейские дипломаты того времени, в частности Меттерних, восхваляли Леопольда I.

Уже с марта 1848 г., как только рассеялись первые опасения насчёт возможности революции в Бельгии, европейская дипломатия и международная пресса консервативного направления старались представить Бельгию «сбетованной страной», в которой всё население, без различия классов и партий, в критические для Европы дни соединилось будто бы в едином национальном порыве вокруг трона, «вполне удовлетворённое, — как утверждал «Таймс», — существующей у него формой правления и не стремясь ни к каким переменам»². Лондонский журнал «Экономист» противопоставлял Бельгию всей остальной Европе. «Какой контраст, — писал он, — если сравнить состояние общественного духа в Бельгии с его состоянием у соседних наций! На одной стороне мы видим возрастающую с каждым днём привязанность к национальным институтам, тесное единение между народом и королевской властью, беспримерный дух порядка и спокойствия, слияние всех различных классов в единой общей идеи; на другой стороне — ничего, кроме анархии, беспорядка, ненависти и разрыва»³.

¹ Lord Palmerston «Sa correspondance intime pour servir à l'histoire diplomatique de l'Europe de 1830 à 1855». Т. II, p. 103. Paris. 1879.

² «Times», 4 March 1848.

³ «Economist», 1848, p. 1109. Корреспонденция от 30 сентября.

Сам король Леопольд I, как это видно из его переписки с королевой Викторией, вполне серьёзно считал своей заслугой, что он оказался «единственным королём, сумевшим противостоять буре, разразившейся на континенте, несмотря на то, что находится только в 10 часах езды от Парижа»⁴. Король счёл, правда, необходимым отдать известную дань и «благоразумию» бельгийского народа. «От всего сердца поздравляю Вас по поводу великоколенного поведения Нашей страны»⁵, — писал он 4 марта 1848 г. бельгийскому послу в Лондоне ван де Вейеру. В том же духе восхваления «своего народа и своей страны, сумевшей уберечься от пожарища»⁶, написано и письмо Леопольда к Меттерніху от 11 марта 1848 года.

До сих пор многие буржуазные историки, публицисты и политические деятели стоят на той точке зрения, что именно «мудрость» короля Леопольда и «благоразумие» бельгийского народа спасли Бельгию в 1848 г. от бушующего пламени революций, объявившего все другие государства Европы.

В буржуазной историографии нередко выдвигается ещё в качестве фактора, оказавшегося будто бы в 1848 г. «спасительным» для Бельгии, непопулярность в ней республиканских идей, занесённых якобы в эту страну извне и не имевших здесь сколько-нибудь глубоких корней. «Если и существуют республиканцы в Бельгии, то сама Бельгия отнюдь не является республиканской», — к такому заключению пришёл, например, старый член бельгийской палаты представителей Эрнест Ванденпиребум, автор двухтомного труда о представительной системе правления в Бельгии в 1831—1848 годах⁷. Положение это имеет столетнюю давность: оно было публично высказано министром внутренних дел Бельгии на заседании палаты представителей уже 1 марта 1848 года⁸.

В поисках подлинных причин своеобразия сложившейся в Бельгии в 1848 г. исторической обстановки присмотримся прежде всего к внутриполитическому положению, создавшемуся в этой стране непосредственно после февральской революции во Франции. Положение это отнюдь не было столь благополучным, как его старалось представить европейским кабинётам бельгийское правительство⁹. Монархия Леопольда I подобно другим европейским государствам переживала критические дни. Бельгийская текстильная промышленность, игравшая в то время первенствующую роль в экономике страны, и главным образом полотняное производство, средоточием которого являлась бельгийская Фландрия, находилась в состоянии крайнего упадка. Механизация текстильного производства, которая в ряде стран, главным образом в Англии, нашла широкое применение и привела, в частности, к усовершенствованию и значительному удешевлению льняной ткани, в Бельгии натолкнулась на ряд серьёзных препятствий. В результате переход к механическому прядению здесь задерживался. «В 1840 г., — сообщает исследователь экономического кризиса во Фландрии в 1845—1850 гг. бельгийский историк Жакмин, — в то время как мы располагали только 47 тысячами веретён, в Англии их

⁴ Vaege L. «Leopold, der ungeliebte König der Belgien und des Celdes», S. 35. Amsterdam. 1934.

⁵ «Biographie Nationale de Belgique». T. XI, p. 852.

⁶ Corti E. et Buffin C. «Leopold I, oracle politique de l'Europe», p. 204. Bruxelles. 1927.

⁷ Vandeneperboon «Du gouvernement représentatif en Belgique (1831—1848)». T. II, p. 264. Bruxelles. 1856.

⁸ См. «La Politique», 2 mars 1848; «Moniteur universel»; «Times», 4 March 1848.

⁹ См. циркуляр от 2 марта 1848 г. бельгийского министра иностранных дел Гофшмита бельгийскому дипломатическому корпусу; в опубликованном A. de Ridder сборнике дипломатических документов «La crise de la neutralité belge de 1848». T. I, p. 57. Bruxelles. 1928.

насчитывался уже миллион»¹⁰. В 1846 г. число веретён на льнопрядильных и льноткацких предприятиях Бельгии не превышало 97 тыс.¹¹, между тем как в Англии в это время их было около 2 млн., во Франции — около 300 тыс.¹².

Ненизбежным результатом такого отставания явилась всё возраставшая потеря Бельгии её внешнего рынка. «Особенно страшна была для нас конкуренция Англии, — сообщает Жакмин. — Англия производила не только дешевле, но ей удавалось удовлетворять вкусы потребителей. Наше производство не было в состоянии в достаточной мере разнообразить свою продукцию»¹³. С 1835 по 1847 г. экспорт бельгийского льняного полотна, например, сократился более чем вдвое. Особенно чувствительной для Бельгии была всё возраставшая потеря французского рынка, который поглощал $\frac{9}{10}$ бельгийского экспорта.

Экономический кризис, разразившийся в 1847 г. первоначально в Англии, а затем распространявшийся на все страны Западной Европы, вызвал в Бельгии ещё более резкое сокращение производства и сбыта, особенно в области каменноугольной, металлургической и текстильной промышленности, продукция которых экспорттировалась за границу¹⁴.

Торгово-промышленному кризису сопутствовал аграрный кризис, вызванный огромным недородом картофеля. Урожай картофеля составлял в 1845 г. по всей Бельгии только 12,7% обычного урожая. Во Фландрии он составлял менее 8,5%, или 27,5 кг на душу населения, вместо обычных 325 кг¹⁵.

1846 год принёс ещё большие бедствия: наряду с неурожаем картофеля неурожай зерновых культур, особенно ржи, которой было собрано на 243 903 925 кг менее обычного. На душу населения приходилось 36 кг вместо обычных 90 кг¹⁶. Положение мало изменилось к лучшему и в 1847 году. Картофельная болезнь и неурожай зерновых культур породили в стране жестокий продовольственный кризис. Ввоз продовольствия не покрыл дефицита. С сентября 1846 г. до конца августа 1847 г., в период наибольшего вздорожания съестных продуктов, Бельгия вследствие финансовых затруднений правительства смогла ввезти едва 2 млн. гектолитров зерна, т. е. около шестой части обычного потребления и менее половины дефицита продукции 1846 года.

Потребление значительного большинства населения Бельгии и в обычные годы было много ниже, чем в других странах Европы, вследствие более низкой заработной платы у промышленных и сельскохозяйственных рабочих и растущего обнищания широких масс. В результате неурожай дорогоизнан предметов первой необходимости достигла огромных размеров. Особенно тяжёлым было положение во Фландрии, где источником существования большинства крестьянского населения служило производство полотна. «Надо вновь вернуться назад к средним векам, — писал известный бельгийский историк Пиренен, — чтобы отыскать зрелище, аналогичное тому, какое представляла в то время «фламандская нищета». Множество обездоленных было доведено до того, что ело собак, кошек, выкапывало трупы животных и питалось ими»¹⁷. На почве систематического недоедания и вызванного им физического истощения среди трудящегося населения Фландрии получила широкое распространение так называемая «фламандская болезнь», или «голодная лихорадка».

Дополнением к голоду явился тиф, особенно распространявшийся

¹⁰ Jacques tyns G. «Histoire de la crise économique des Flandres (1845—1850)», p. 141. Bruxelles. 1929.

¹¹ Pirenne H. «Histoire de Belgique», T. VII, p. 127. Bruxelles. 1932.

¹² «L'Observateur Belge», 5 août 1848.

¹³ Jacques tyns G. Указ. соч., стр. 129.

¹⁴ «L'Observateur Belge», 5 août 1848.

¹⁵ Jacques tyns G. Указ. соч., стр. 254—255.

¹⁶ Там же, стр. 256.

¹⁷ Pirenne H. Указ. соч. T. VII, стр. 129.

во Фландрии, где в 1846—1847 гг. от него погибло несколько тысяч человек. На смену тифу явилась эпидемия холеры, унесшая в течение двух лет более 23 тыс. человек. Смертность населения приняла в эти годы угрожающие размеры, особенно во Фландрии, где она превысила рождаемость.

Финансовое положение бельгийской монархии и до февральских событий 1848 г. было отнюдь не блестящим. Неурожай и промышленный застой 1846—1847 гг., усугублённые финансовым кризисом 1847 г. в Англии и во Франции, привели к дезорганизации бельгийских государственных финансов. К тому же бельгийское правительство вследствие белственного положения широких масс населения (особенно во Фландрии) вынуждено было прибегнуть в 1847 г. в целях сохранения «порядка» в стране к значительным затратам на организацию общественных работ, к частичному отказу от протекционистской политики, к более широкому импорту продовольствия из-за границы. Всё это привело к сокращению поступлений в государственную казну Бельгии в 1847 г. на 8% и к 10-миллионному дефициту в государственном бюджете, что, в свою очередь, вызвало падение курса государственных ценных бумаг.

В обстановке дезорганизации всей хозяйственной жизни страны и политическое положение в ней к началу 1848 г. было крайне напряжено. Пришедшее к власти в августе 1847 г. первое в истории Бельгии либеральное министерство во главе с Шарлем Рожье и накануне февральских событий 1848 г. всё ещё пребывало в стадии «изучения» экономических и политических проблем, разрешить которые оно обещало в своей программе от 12 августа 1847 года. Правительственная программа была весьма умеренной и в важнейшем вопросе — о реформе избирательного права — ограничивалась обещанием дополнительного предоставления избирательных прав лицам, имевшим диплом об образовании и занесённым в списки присяжных заседателей. Соответствующий законопроект был внесен в палату в середине 1848 года. Этот законопроект не удовлетворял полностью даже тем требованиям, за которые высказывалось умеренное большинство либерального конгресса 1846 г., выработавшего политическую программу бельгийской либеральной буржуазии. Известно, что умеренные либералы на конгрессе 1846 г. высказались кроме того — правда, в весьма общей и мало обязывающей резолюции — за «постепенное снижение цен до границ, указанных конституцией». Правительственная программа тем более не могла удовлетворить бельгийских радикалов и выступавших совместно с ними в этом вопросе демократов, настаивавших на безотлагательном снижении избирательного ценза до 20 флоринов, в соответствии с максимальным требованием конституции 1831 года.

Орган бельгийской демократии *«Le débat sociale»* подверг правительенную программу резкой критике: «Избирательная реформа... которая принесёт нам по всему королевству около 4 тысяч новых избирателей, является поистине насмешкой. Становится ясным, что в конечном итоге промышленные монополисты являются опорой новой власти, которая на это именно и рассчитывала. Реформа... подкрепит эту спору законоведами. На смену землевладельцу приходит владелец железа и хлопка! На смену иезуитскому ордену — орден адвокатов. Но что же выигрывает народ от всей этой перемены?»¹⁸

Первые полгода пребывания либералов у власти показали, что бельгийский народ мало что выиграл от перехода политического господства к умеренно-либеральной буржуазии. Положение его оставалось столь же тяжёлым, как и при предшествующем, помещичье-клерикальном режиме. «Почти ежедневно тот или иной рабочий, оставшийся без работы, был стёкла булочной или какого-либо другого торгового заведения с един-

¹⁸ Bertrand L. *«Histoire de la démocratie et du socialisme en Belgique depuis 1830»*. T. I. p. 237. Paris. 1906.

ственной целью попасть в тюрьму, чтобы не умереть с голода»¹⁹. Волна недовольства разливалась по стране. В петициях рабочие требовали от правительства организации труда и всеобщего избирательного права.

Министерству Рожье приходилось выдерживать также оппозицию клерикалов, ополчившихся против провозглашённой в его программе эманципации всей государственной деятельности, в частности народного просвещения, от опеки духовенства. Важно, однако, отметить, что наиболее дальновидные политические деятели из лагеря клерикалов отдавали себе отчёт в том, что борьба между католиками и либералами, игравшая до сих пор первенствующую роль в политической жизни Бельгии, должна неизбежно уступить место совместной борьбе всех консервативных сил против поднимающейся в Бельгии, как и повсюду в Европе, демократии.

Эту точку зрения высказал в палате в ноябре 1847 г. один из вождей католической партии Бельгии, Дешан: «Вопросы касательно католиков и либералов начинают уступать место более жгучим вопросам — социальным, которые скоро разделят нас на партию консервативную, стремящуюся к прогрессу в условиях существующего порядка и при существующих учреждениях, и на партию передовую, радикальную, которая стремится, возможно сама того не сознавая, к прогрессу путём разрушения существующего порядка и его учреждений»²⁰.

Демократическое движение в Бельгии действительно нарастало, особенно со второй половины 40-х годов. Существовавшее здесь с 1841 г. крупнейшее в стране либеральное объединение «Альянс», куда входили и многие демократы, неспособно было больше удовлетворить политические и социальные запросы демократических элементов. В начале 1847 г. в Брюсселе было основано демократическое общество «Agneessens», а в ноябре того же года, уже при правительстве Рожье, была создана приблизительно участии проживавшего в Брюсселе Маркса самая значительная демократическая организация Бельгии — «Демократическая ассоциация», вскоре превратившаяся в международный центр борьбы за демократию. Число её членов быстро росло. Демократические общества, аналогичные столичной ассоциации, появились также в провинции.

Под влиянием революции во Франции напряжённость политического положения в Бельгии ещё более усилилась. «Невозможно описать, — сообщал из Брюсселя бельгийский корреспондент английского журнала *«Экономист»*, — в какое возбуждение пришло здесь общество в результате известий из Парижа. Всем казалось, что наступил возврат к худшим дням 1793 года... Парижскую революцию рассматривали как сигнал ко всеобщей войне; опасались утраты нашей национальной независимости. Боялись, что катастрофа, опрокинувшая трон во Франции, найдёт соответствующий отклик в Бельгии»²¹.

В столице и в других городах Бельгии началась настоящая финансовая паника. «25 февраля, — сообщает историк бельгийских финансов Шленнер, — ввиду катастрофического падения курса промышленных и особенно государственных процентных бумаг закрылась Брюссельская биржа. На следующий день её примеру последовала Антверпенская биржа. Все хотели продавать, все стремились обменять бумажные деньги на золотую монету. Вкладчики толпились в помещениях банковских контор, держатели бумаг требовали обращения «их в деньги»²². 28 февраля пре-

¹⁹ Bertrand L. Указ. соч. Т. I. стр. 257.

²⁰ Там же, стр. 274.

²¹ «*«Экономист»*, 1848, p. 288, корреспонденция от 11 марта.

²² Chlepnier B. *«La banque en Belgique. Etude historique et économique»*. T. I, p. 294. Bruxelles. 1926.

кратил платежи и на следующий день был ликвидирован Антверпенский коммерческий банк. Понадобились срочные меры, чтобы предотвратить дальнейшее распространение паники. Вследствие этого 2 и 3 марта в печати появились извещения за подписями видных банкиров и коммерсантов о продолжающейся выплате денег по банковым билетам. Министерство финансов, со своей стороны, известило население о том, что билеты «Генерального общества» «Бельгийского банка» попрежнему принимаются к уплате кассами государственного казначейства. Бельгийские банки прекратили все свои обычные учётные операции и потребовали уплаты в срок выданных им в кредит сумм. В связи с этим положение значительного числа промышленников и коммерсантов сделалось критическим.

Деловые круги Бельгии в последних числах февраля настойчиво требовали у правительства объявления моратория. Однако правительство отказалось провести подобную меру; отказалось оно и от предложения о немедленном создании государственных учётных касс: государственная казна была истощена, и финансовое положение бельгийской монархии было крайне тяжёлым.

По сообщениям иностранных корреспондентов из Брюсселя, 26 февраля, когда в бельгийской столице стали известны результаты парижского восстания, как и в следующий за ним день, 27 февраля, здесь создалась крайне напряжённая политическая атмосфера. Корреспондент «Таймса», например, сообщал в Лондон о том, что 26 и 27 февраля «беспорядочные массы народа» толпились в различных частях города, главным образом на центральной площади перед ратушей; здесь раздавались «мятежные возгласы, среди которых преобладал возглас «Да здравствует республика!»²³. Эти сведения совпадают в основном с тем, что рассказывал позднее о событиях в Брюсселе Ф. Энгельс: «Разразилась февральская революция, тотчас же встретившая отклик в Брюсселе. Толпы народа собирались каждый вечер на большой рыночной площади перед ратушей, занятой гражданской гвардией и жандармерией; многочисленные пивные и питейные дома вокруг рынка были набиты. Кричали: «Vive la république!» [«Да здравствует республика!»], пели марсельезу, напирали друг на друга, толкались»²⁴.

У здания, где 27 февраля происходило заседание «Демократической ассоциации», огромная толпа нетерпеливо ожидала решений этого признанного в то время центра демократического движения. Как свидетельствует Бертран, в толпе раздавались возгласы: «Долой Леопольда!», «Да здравствует республика!»²⁵. Возбуждение было столь велико, что руководители «Ассоциации» были вынуждены поручить одному из виднейших республиканских ораторов, Виктору Тедеско, призвать народ к спокойствию. Вечером в различных районах Брюсселя состоялись многолюдные манифестации. Жандармерия, разогнала манифестантов. «Наиболее строптивые,— сообщал по этому поводу *«Journal de Bruxelles»*,— арестованы, это немецкие рабочие»²⁶. Очевидно, именно события этого вечера имел в виду Энгельс, когда позднее писал: «В один прекрасный вечер жандармерия с шашками наголо внезапно двинулась против народа, толпившегося на рыночной площади,— и пошли направо и налево аресты. Одним из первых был избит и арестован также и Вольф... Его потащили в ратушу, где он ещё раз подвергся побоям со стороны разъярённой и пьяной гражданской гвардии»²⁷.

Протоколы заседаний «Демократической ассоциации» велись только до 6 февраля²⁸, и о том, что происходило на заседании 27 февраля, прихо-

²³ «Times», 2 March 1848.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 324.

²⁵ Bertrand L. Указ. соч. Т. I, стр. 338.

²⁶ «Journal de Bruxelles», 29 février 1848.

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 325.

²⁸ Jottrand L. «Charles-Louis Spilthorn». p. 62. Bruxelles. 1872.

дится судить, к сожалению, по весьма неполным данным. Но и эти неполные данные дают ясное представление о позиции, занятой демократами в решающий для бельгийского движения 1848 г. момент. Бельгийские демократы в лице председателя «Демократической ассоциации», адвоката-республиканца Жотрана, и его единомышленников всячески старались легализовать начавшееся в Брюсселе после 24 февраля и направленное против монархии народное движение. По признанию самого Жотрана, при первом известии о революции в Париже он поспешил вызвать из Гента своего долголетнего соратника адвоката Спильгорна, члена центрального комитета «Демократической ассоциации», который так же, как и он сам, считал необходимым в «национальных интересах» воспрепятствовать принятию «Демократической ассоциацией» слишком радикальных решений: подобные решения могли быть приняты Ассоциацией под влиянием её иностранных членов²⁹. Известно, что «Демократическая ассоциация» объединяла в своих рядах многих передовых борцов за демократию, проживавших в Брюсселе в качестве политических эмигрантов. Маркс, избранный вице-председателем «Ассоциации», Энгельс, принимавший активное участие в её работах, знаменитый польский революционер Лелевель (1786—1861), входивший в состав её центрального комитета, и другие способствовали с самого начала радикализации её политической линии.

Несомненно, при активном участии Маркса «Демократическая ассоциация» вынесла 27 февраля решение обратиться в муниципальный совет Брюсселя с предложением о пополнении гражданской гвардии рабочими и ремесленниками. Маркс, ожидавший в февральские дни вооружённого республиканского восстания в Брюсселе, предоставил часть своих скромных денежных средств на вооружение брюссельских рабочих³⁰. Понятно, что Брюссельский муниципалитет, напуганный событиями, отклонил предложение «Демократической ассоциации».

На том же заседании при участии Маркса было принято решение послать от имени «Демократической ассоциации» приветственный адрес Временному правительству французской республики, а также обратиться к лондонскому «Союзу братских демократов» с сообщением о действиях, предпринятых «Ассоциацией» в связи с революцией во Франции.

Однако, помимо этих решений, «Ассоциацией» не было сделано никаких конкретных шагов для того, чтобы возглавить начавшееся в стране движение.

Между тем революционное брожение в бельгийской столице не ослабевало. Показательно, что «после воскресных событий 27 февраля большое число проживавших в Брюсселе англичан было настолько перепугано, что в понедельник Брюссель огласился грохотом отъезжающих повозок»³¹.

С целью предотвратить революционную «катастрофу» и спасти конституционно-монархический режим бельгийское правительство, которое «держалось с виду, — по выражению Энгельса, —тише воды»³², в максимально короткий срок предприняло ряд чрезвычайных мер. Либеральное министерство Рожье на состоявшемся утром 26 февраля чрезвычайном заседании искусно разыграло комедию самоотречения короля от престола, имевшую целью укрепить его популярность и тем обезоружить республиканское движение. В ответ на торжественное заявление короля о его готовности сложить с себя королевский сан, «если того пожелает бельгийский народ», министры в порыве верноподданнических чувств единодушно

²⁹ Jottrand L. Указ. соч., стр. 65.

³⁰ «New-Yorker Criminal-Zeitung». 25 November 1853. «Zum 14 März», в. «Neue Zeit», Januar 1903. Bd. XXI, S. 720.

³¹ «Times», 4 March 1848.

³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 324.

упрашивали его оставаться на престоле. Король милостиво удовлетворил их просьбу. Этот маневр удался. Широкие слои населения наивно поверили в готовность короля не чинить препятствий установлению республики в Бельгии.

Тем временем правительство срочно призвало к оружию гражданскую гвардию и приняло меры к превращению её в оплот монархического порядка. Соответствующий законопроект был принят 26 февраля на заседании Совета министров и через несколько часов одобрен палатой. Тем же числом датирован и циркуляр, разосланный за подписью Рожье губернаторам всех бельгийских провинций. В нём коммунальным властям предлагалось принять решительные меры для «сохранения порядка и уважения к собственности», «бдительно следить за всем, что может нарушить общественное спокойствие», и «подавлять беспорядки, которые могут быть злостно вызваны к жизни». Циркуляр заканчивался предписанием немедленно «учредить наблюдение за иностранцами и провести строжайшую проверку паспортов»³³. Генеральные прокуроры на местах, посыпали циркуляром за циркуляром, стимулируя усердие своих агентов³⁴. 28 февраля появился приказ бургомистра Брюсселя о запрещении «собраний, превышающих пять человек. Приказ был мотивирован беспорядками, имевшими место 27 февраля.

Начавшиеся в этот день аресты и высылка иностранцев имели целью очистить Брюссель и другие бельгийские города от политических эмигрантов, которые, согласно заявлению Рожье в палате, «хотели улечь страну за пределы того, что она сама себе наметила»³⁵. Правительство надеялось таким путём ослабить демократические организации. В числе арестованных и высланных в эти дни из Бельгии был Маркс. Насилия со стороны полицейских чиновников Брюсселя, сопровождавшие арест Маркса и в особенности его жены в ночь с 3 на 4 августа, вызвали волну возмущения в международной прессе и вынудили бельгийское правительство выступить в печати с весьма неубедительными опровержениями.

В официальном протесте Маркса против злоупотреблений бельгийских властей, опубликованном французской *«Réforme»*, констатировался тот факт, что «бельгийское правительство в настоящее время становится целиком на стороне политики Священного Союза. Его реакционное неистовство с неслыханной жестокостью обрушивается на немецких демократов». «Если бы, — заявил Маркс, — не горечь, причинённая нам преследованиями, специальным объектом которых мы являемся, мы искренно посмеялись бы над смехотворным положением, в которое ставит себя министерство Рожье, предъявляя некоторым немцам обвинение в том, что они хотят навязать бельгийцам республику вопреки их воле»³⁶.

Одновременно с борьбой против революционной опасности внутри страны правительство Леопольда I развило энергичную деятельность на дипломатической арене, стремясь оградить себя от революционной угрозы извне, в первую очередь со стороны республиканской Франции. 28 февраля министр иностранных дел Гофшмидт поручил бельгийским дипломатическим агентам в Лондоне, Вене, Берлине заявить, что бельгийское правительство, согласно существующим договорам, настоятельно просит о помощи на случай нападения Франции³⁷. Бельгийский посол в Лондоне ван де Вейер ещё до получения циркуляра Гофшмидта по собственной инициативе обратился к Пальмерстону с запросом о позиции Англии. При этом он предложил английскому правительству послать в

³³ Discailles E. «Charles Rogier». Т. III, р. 236—237. Bruxelles. 1894.

³⁴ Bertrand L. Указ. соч. Т. I, стр. 287—288.

³⁵ Это заявление было сделано Рожье 13 марта 1848 года.

³⁶ «Le Réiforme», 8 mars 1848.

³⁷ Ridder A. «La crise de la neutralité belge en 1848», р. 15. pièce № 11.

Шельду британский флот в качестве «решительной демонстрации», которая вынудила бы революционное правительство Франции отказаться от вторжения в Бельгию³⁸. В то же время бельгийский посол в Париже граф де Линь высказался в конфиденциальном посланни Гофшмидту от 29 февраля за англо-голландско-бельгийский «наступательный и оборонительный союз» в противовес Франции, хотя тут же подчеркнул, что Голландия «может оказаться опасным союзником» для Бельгии³⁹.

Не ограничиваясь дипломатическими демаршами, бельгийское правительство уже с 24 февраля начало готовиться к вооружённому отражению возможного нападения со стороны Франции. 26 февраля правительство потребовало 9 млн. франков на проведение мобилизации армии и вооружение пограничных крепостей. «Быстро, с которой было принято это требование, — писал бельгийский историк Терлинден, — не имела себе равной в истории парламентской процедуры: в 2 часа дня по этому вопросу высказалась палата; в 3 часа дня проект был ратифицирован сенатом; вечером того же дня текст нового закона был доставлен в редакцию «Монитор»⁴⁰. С целью изыскать средства для проведения этих и других мероприятий Совет министров, а вслед за ним палата и сенат в тот же день «утвердили законопроект о досрочном взыскании 1/12 поземельного налога, что практически означало принудительный заём в размере 12 млн. франков. Закон был опубликован в тот же день»⁴¹.

Хотя правительство официально заявляло, что эти военные меры направлены «против всякой агрессии в отношении нашей территории, откуда бы эта агрессия ни исходила»⁴², на деле оно имело в виду именно Францию. Циркуляри Ламартини от 4 марта, в котором министр иностранных дел французской республики заверял европейские кабинеты в миролюбивых намерениях Франции, поставил бельгийское правительство перед необходимостью позаботиться о том, чтобы не обострить отношений с французским правительством и не вызвать подозрений с его стороны. С этой целью министерство Рожье пошло даже на то, чтобы дезавуировать своего представителя в Лиссабоне ван де Вейера как в связи с чрезмернойспешностью, с которой он обратился за помощью в Англии⁴³, так и в связи с визитом, нанесённым им в Лондоне свергнутому королю Луи-Филиппу, и принцу прусскому Вильгельму⁴⁴. Одновременно граф де Линь был уполномочен вступить с 1 марта в дипломатические отношения с временным правительством Франции.

Опасность со стороны Франции представлялась бельгийскому правительству не только в виде вооружённого вторжения французов в пределы Бельгии. Ещё в большей мере Леопольд I и его министры опасались республиканской пропаганды со стороны революционной Франции. Недоверие к Франции, которое издавна было свойственно бельгийским правящим кругам, стчётливо выражал ван де Вейер в письме к королю Леопольду от 31 мая 1848 года: «Независимо от того, называется ли министр иностранных дел во Франции Талейраном или Себастьяни, Моле или Ламартином, его настроение в отношении нас остаётся неизменным; всем этим людям (мы видели их в действии) присуща и навсегда останется присущая одна идея: вновь завоевать Бельгию полностью или частично»⁴⁵. Установление республики в Бельгии в результате успешной республиканской пропаганды отожествлялось бельгийскими монархическими кругами с присоединением Бельгии к Франции. «Бельгийская республика, — писал 29 февраля Гофшмидт бельгийский посол в Берлине Нотомб, — это

³⁸ Ridder A. «La crise de la neutralité belge en 1848», р. 6—7, pièce 4.

³⁹ Там же, стр. 27, док. 19.

⁴⁰ Там же, стр. 27, док. 16.

⁴¹ Vandeneeregeboor E. Указ. соч. Т. II, стр. 271.

⁴² Ridder. Указ. соч., стр. 16.

⁴³ Там же, стр. 32—34, док. 23.

⁴⁴ Там же, Введение, стр. X.

⁴⁵ Там же, стр. VII.

присоединение к Франции; присоединение к Франции — это всеобщая война; всеобщая война — это уничтожение Бельгии»⁴⁶. Угрозу республиканского переворота правительство стремилось предотвратить не только суворыми репрессиями против «нарушителей общественного спокойствия» и прежде всего против политических эмигрантов, но и путём конституционных преобразований и отдельных экономических мероприятий, срочно предпринятых им с целью «умиротворения» страны. Уже 26 февраля на заседании Совета министров был подвергнут предварительному обсуждению вопрос об избирательной реформе. 28 февраля Рожье внес на рассмотрение палаты законопроект о снижении избирательного ценза в городских и сельских местностях как для законодательных, так и для коммунальных выборов до минимума, установленного конституцией 1831 г., т. е. до 20 флоринов. Законопроект этот был единогласно принят палатой и сенатом.

Нельзя согласиться с Пиренном, выразившим сомнение в том, была ли необходима столь радикальная конституционная реформа для «предотвращения беспорядка» в Бельгии в 1848 году⁴⁷. Не подлежит сомнению, что только реальная угроза монархическому строю могла принудить бельгийское правительство провести избирательный закон 1848 года. Ни Рожье, ни его коллеги по кабинету — умеренные либералы — не были сторонниками сколько-нибудь широкой демократизации избирательной системы. Незадолго до описываемых событий, на конгрессе либералов в 1846 г., они решительно высказывались против такой демократизации.

Подтверждение этому мы находим в выступлении депутата-республиканца Кастио во время обсуждения законопроекта в палате. «Предложение,— заявил Кастио,— которое месяц назад вызвало бы бурю в этом собрании, сейчас принимается с искренней благосклонностью... не встречая... ни одного противника... Что же произошло, господа, и чем объяснить эту неожиданную перемену в мнениях?.. Да будет мне позволено думать, что события, происшедшие у наших ворот, немало содействовали тому, что законопроект, который месяц назад был бы поддержан едва 5 голосами, встретил единодушное одобрение... Если бы не бессмертные события в Париже, если бы не эта чудодейственная революция, мы не имели бы реформы, которую намереваемся теперь провести»⁴⁸.

Показательно, что и противники Кастио вынуждены были признать, что реформа была вызвана требованиями момента. «Этой смелой реформой,— заявил, например, на том же заседании палаты упомянутый нами вождь католической партии Дешан, — правительство хотело умиротворить всех честных и конституционно настроенных людей и вместе с тем не дать возможности другим нациям ввести на зависть Бельгии более либеральные, нежели у неё, учреждения»⁴⁹. Однако мотивировка, данная избирательной реформе Дешаном, лишь частично вскрывала её происхождение. Она подчёркивала лишь стремление правительства положить конец усилившемуся со второй половины 1846 г. сближению между более радикальными элементами из рядов бельгийских либералов и бельгийскими демократами на почве совместного требования расширения избирательного права.

Правительство и либеральная пресса подняли необычайный шум вокруг нового избирательного законопроекта. На заседании палаты оаторы называли его величайшим из актов, предпринятых за все 17 лет существования независимой Бельгии. В печати реформа изображалась как мероприятие, открывающее для Бельгии «новую эру». «Благодаря этой реформе,— заявляла правительственная газета «L'Indépendance

⁴⁶ Ridder. Указ. соч. стр. 19, док. 15.

⁴⁷ Pirenne H. Указ. соч. Т. VII, стр. 133.

⁴⁸ «Journal des Débats», 8 mars 1848.

⁴⁹ Там же.

belge», — наша избирательная система будет одной из наиболее демократических на континенте. Её избирательный ценз ниже даже уровня английской системы, где он равен 30 шиллингам»⁵⁰. Республиканец Кастио оказался единственным человеком в палате, нашедшим в себе мужество раскрыть ограниченность новой избирательной реформы. «Ваш закон, — заявил он депутатам, — будет иметь целью призвать к пользованию политическими правами 100, быть может, 150 тысяч избирателей; однако эти 150 тысяч бельгийцев отнюдь не представляют ещё всей нации. Вне этого круга всё ещё останется, быть может, миллион совершенно нелегальных граждан, осуждённых на политическое бесправие»⁵¹. Новая избирательная реформа на деле оказалась гораздо скромнее, чем это представляла себе Кастио. Она увеличивала число избирателей в стране с 46 436 до 79 360⁵². Если учесть, что по переписи 1846 г. в Бельгии насчитывалось 4337 тыс. человек, то станет ясно, что и после этой реформы только небольшая часть бельгийского населения пользовалась политическими правами.

Правительство отдавало себе ясный отчёт в том, что, несмотря на проведённую избирательную реформу, нависшая над монархией угроза не будет устранена до тех пор, пока не будут приняты меры хотя бы к некоторому облегчению положения рабочих. Циркуляр Рожье от 2 марта 1848 г. губернаторам провинций свидетельствовал о том, до какой степени напряжённым оставалось положение в стране. «Только при условии постоянного предоставления работы трудящемуся населению и изыскания способов обеспечения его повседневного существования,—инструктировал Рожье провинциальные власти,— страна может надеяться миновать без тяжёлого потрясения нынешний кризис»⁵³. Он настойчиво рекомендовал как можно скорее организовать общественные работы для безработных.

Не только в Бельгии, но и за её пределами понимали, какую серьёзную опасность для бельгийской монархии представляло собой в то время трудящееся население Бельгии. «Таймс», например, в начале марта указывал на то, что «трудящиеся классы Бельгии представляют собой прекрасный материал для воздействия на них французских эмиссаров в целях поднятия восстания»⁵⁴.

Все перечисленные административные, финансовые и политические мероприятия, проведённые бельгийским правительством под влиянием французской революции, возымели своё действие. Паника, охватившая финансовые круги, а также революционное возбуждение в Бельгии, быстро пошли на убыль; 8 марта вновь открылись Брюссельская и Антверпенская биржи. Курс государственных ценных бумаг, правда, значительно более низкий, чем обычно, казалось, стабилизировался. Среди деловых кругов наступило известное успокоение. Склонные к преувеличениям иностранные корреспонденты могли теперь телеграфировать из Брюсселя о «превосходном состоянии умов у всех классов бельгийского населения».

Таким образом, конституционная монархия в Бельгии выдержала первый натиск шедшей из Франции революционной волны. «Новая Рейнская газета» справедливо указывала, однако, что «спокойствие в Бельгии обошлось почти так же дорого, как волнения в других странах»⁵⁵. Двенадцать миллионов франков, предоставленных палатой 26 февраля для уси-

⁵⁰ «Journal des Débats», 8 mars 1848.

⁵¹ Там же.

⁵² Bertrand L. Указ. соч. Т. I, стр. 298.

⁵³ Там же, стр. 288.

⁵⁴ «Times», 4 mars 1848.

⁵⁵ «Neue Rheinische Zeitung», 31 Oktober 1848.

ления армии и вооружения крепостей, для организации общественных работ и восстановления кредита, для борьбы с антимонархическим движением и реорганизации гражданской гвардии, скоро оказалось недостаточно. Правительство не решалось вторично обратиться к населению за заемом, притом более крупным, чем прежний (речь шла уже о 40 млн. фр.): неустойчивость политической обстановки в стране делала успех такого займа маловероятным. Оно предпочло обратиться за внешним заемом в Англию. Однако первые попытки бельгийского правительства получить заем у английских финансистов, не прибегая к официальному вмешательству британского правительства, не увенчались успехом. Лондонские финансисты решительно отказывались прийти на помощь правительству Леопольда I. Известия из Парижа, Гамбурга, Амстердама, ожидание нового кризиса в самой Англии, «силою вещей», — как сообщал 14 марта направленный в Лондон видный чиновник министерства иностранных дел Партос, — делали капиталистов с каждым днем всё более осторожными... Кроме недоверия к операциям с континентом, им руководило желание сохранить свободными свои капиталы как для того, чтобы уберечься от всяких случайностей, которые могли возникнуть в результате кризиса, так и для того, чтобы поместить свои капиталы наивыгоднейшим образом и извлечь из них максимальные прибыли, когда обесценение денег достигнет наивысшей точки»⁵⁶.

Правительству не оставалось ничего другого, как обратиться за поддержкой к Пальмерстону. Сам Леопольд направил письмо английскому министру иностранных дел, а министр иностранных дел Бельгии предписал ван де Вейеру изложить Пальмерстону мотивы, по которым Европа, и в частности Англия, должна быть заинтересована в том, чтобы облегчить Бельгии дальнейшее осуществление её политики — политики борьбы с революционным брожением в стране. «Не могу скрыть от вас, — писал бельгийский министр иностранных дел 9—10 марта бельгийскому посланнику в Англии, — что наше финансовое положение весьма плачевно. Государственная казна пуста, приближается срок платежа по облигациям казначейства. Принудительный заем в 12 миллионов будет в миг поглощен. Армия, которую мы в интересах сохранения порядка и обороны нашей территории значительно увеличили численно, требует от нас огромных расходов. Наши кредитные учреждения доведены до крайности, промышленность и торговля нуждаются в правительственной помощи». Далее Гоффшmidt приходил к заключению, что положение Бельгии «представляет большую опасность» не только для существующего в ней строя, но и для всей Европы. «Правительство, палата и страна, — продолжает он, — воздвигли барьер против потока революционных идей, грозившего захлестнуть нас и устремиться в Европу. Но когда страна будет опустошена в результате ужасного финансового кризиса, когда наши многочисленные рабочие останутся без работы, а страдания Фландрии достигнут наивысшего предела, то какую бы энергию ни развило правительство и каким бы благородиумием ни были воодушевлены бельгийцы, мы вряд ли сможем и далее противостоять интригам и маневрам французских республиканцев, которые не замедлят воспользоваться этими обстоятельствами». В заключение Гоффшmidt выражал надежду, что Пальмерстон «поймет, насколько важно в интересах спокойствия Европы избавить Бельгию от угрожающих ей опасностей и для этого предоставить ей заем»⁵⁷. Однако английское правительство, финансовое положение которого было тогда также весьма тяжелым, было бессильно оказать соответствующее давление на лондонских финансистов.

По мере того, как уменьшались шансы на успешное завершение переговоров о заеме в Лондоне, бельгийское правительство предлагало все

⁵⁶ Ridder A. «Un Projet d'emprunt anglo-belge en 1848» в сборнике «Me'angres d'histoire offerts Henri Pirenne», p. 2. Bruxelles. 1926.

⁵⁷ Там же, стр. 4.

большинство гарантий под испрашиваемый им заем. Партос был уполномочен предложить в качестве гарантии заема в 40 млн. фр. бельгийские железные дороги, а в случае необходимости — и каналы. «Одни наши железные дороги, — писал Гоффшmidt 15 марта ван де Вейеру в Лондон, — представляют собой ценность почти в 200 миллионов. Они дают ежегодно чистый доход 16 миллионов. Обстоятельства весьма серьезны — этого не следует от себя скрывать. Представить в палату проект принудительного заема — это такая крайность, к которой следует прибегнуть только в том случае, если мы потеряем в Лондоне всякий шанс на успех. Не пренебрегайте никакими усилиями, чтобы прийти к окончательному решению»⁵⁸. Никакие усилия, однако, не помогали. Одни из лондонских финансистов заявил, что «если в качестве залога будут даже предложены все бриллианты Европы, то и тогда в этом вопросе не произойдет никаких изменений. У лондонских финансистов имеются под рукой сделки повыгоднее любого займа, принесшие в течение 24 или 48 часов 25% прибыли, — сднако, беспокойство и паника столь велики, что, несмотря на заманчивость подобных операций, лишь две — три фирмы решаются браться за эти дела»⁵⁹. 16 марта бельгийский уполномоченный был отозван из Лондона. Попытки получить заем в России или в Германии также потерпели неудачу. Бельгийскому правительству не оставалось ничего иного, как вновь прибегнуть к внутреннему принудительному заему. 16 марта кабинет представил на рассмотрение палаты законопроект о заеме в 40 млн. франков. Во время обсуждения законопроекта в палате 4 апреля Рожье в пресстранной речи мотивировал необходимость нового займа и указывал на настоятельную необходимость для Бельгии создать армию, «которая была бы способна заставить уважать порядок внутри страны и независимость Бельгии во вне»⁶⁰.

Законопроект встретил серьезную оппозицию в палате: многим депутатам такая мера представлялась в тот момент крайне опасной. Печать подвергала законопроект резкой критике. Назревал серьезный конфликт между кабинетом и палатой, грозивший отставкой правительства. Об этом можно судить по письму, адресованному Рожье в конце марта 1848 г. одному из его друзей, Жаном-Франсуа Матерном. «Меня страшит мысль, — писал Матерн, — об отклонении закона о займе... Необходимы уступки с той и с другой стороны... Не следует создавать себе иллюзии: заем глубоко отталкивает мелких налогоплательщиков. Я говорил вам вчера: если его не сократить, то зачинщики возбудят против него все интересы, все страсти... Уйти в отставку только потому, что нельзя добиться всего, представляется мне недопустимым, ибо, уходя, правительство подвергнет страну неисчислимым бедствиям». Заключительные строки письма весьма образно рисуют напряженность положения в стране в конце марта — начале апреля: «В течение месяца страна наша держится хорошо. Это немало. Половина пути пройдена; еще усилие, еще немногого покорности и мужественного терпения — и мы спасены. Уступки... кто не делает их сейчас?»⁶¹.

Правительство действительно оказалось вынужденным уступить: оно внесло в законопроект ряд изменений. Общая сумма займа была сокращена до 25 млн. франков. 22 апреля закон был принят палатой большинством 72 голосов против 10 при 9 воздержавшихся и 15 отсутствовавших.

Ход обсуждения законопроекта о втором принудительном займе отражает политическую обстановку в Бельгии в марте — апреле 1848 года. В середине марта, когда правительственный законопроект был представ-

⁵⁸ Ridder A. «Un Projet d'emprunt...», стр. 8.

⁵⁹ Там же, стр. 9.

⁶⁰ Discailles E. Указ. соч. Т. III, стр. 247.

⁶¹ Там же, стр. 250.

лен в палату, положение в стране после кратковременного успокоения, наступившего в начале марта, вновь обострилось. Из провинций поступали сведения о волнениях и беспорядках. В Генте, например, 14 марта толпы безработных с возгласами «Да здравствует республика!» и угрозами по адресу иезуитов пытались разгромить иезуитский коллеж. Для восстановления порядка местные власти прибегли к помощи жандармерии; были произведены аресты. В числе арестованных были члены местной «Демократической ассоциации». Бургомистр Гента издал приказ о запрещении «сборищ», превышающих 5 человек, и об обязательном закрытии в 9 час. вечера всех общественных заведений. «Приняты энергичные меры, чтобы предупредить повторение подобных попыток. Гарнизон в полной готовности остаётся под ружьём», — так заканчивались появившиеся в печати сообщения о беспорядках в Генте⁶². Серьёзные волнения имели место во второй половине марта и в начале апреля также в округах Турнэ, Арлон, Монмеди, в каменистогольном бассейне Боринаж, в кантонах Виртон, Месанси, в городах Вервье, Ат, Ставло, Сен-Трон, Кувен и др. Даже жандармские и прокурорские донесения дают основание заключить, что беспорядки были вызваны главным образом тяжёлым экономическим положением населения, недовольством принудительными займами и всей вообще налоговой политикой правительства. Почти повсюду распространялись республиканские лозунги, тайные листовки, прокламации.

Однако в самом его начале движение было подавлено энергичными мерами местных властей⁶³.

Антиправительственные выступления в провинции совпадают по времени с опубликованием в брюссельском демократическом органе «Le débat social» проекта демократизации государственного строя Бельгии. Авторами его явилась группа брюссельских демократов и республиканцев. Вполне справедливо, таким образом, указание Бертрана на то, что «почти месяц спустя после революции 24 февраля в Бельгии всё ещё стоял вопрос о более глубоком изменении нашей политической организации, чем то, на которое незадолго до этого согласилось правительство»⁶⁴.

Напряжённым положением в стране во второй половине марта, новой волной антимонархического движения в значительной мере и объясняются правительственные уступки в вопросе о втором принудительном займе.

Положение коренным образом изменилось в пользу реакции к 4 апреля, когда законопроект о новом займе обсуждался в палате. К этому времени закончилась провалом попытка республиканского переворота в Бельгии, задуманного группой проживавших в Париже бельгийских демократов. Для осуществления своего плана они решили использовать возвращавшихся из Франции на родину безработных бельгийцев. Организованный ими так называемый бельгийский легион выступил из Парижа и в ночь на 25 марта прибыл к бельгийской границе в составе первой колонны, насчитывавшей около 800 человек. Однако колонна эта была передана в руки бельгийских властей. Бельгийское правительство оказалось подготовленным к встрече «мятежников», так как было предупреждено бельгийским послом в Париже графом де Линем⁶⁵.

Согласно сообщениям французской и бельгийской печати, только незначительной части легионеров удалось скрыться, подавляющее же большинство их было доставлено в Кьеврен, где оно очутилось «среди

⁶² См. «Journal de Verviers», 16 mars 1848; «Journal des Débats», 17 mars 1848, «Journal des Flandres» et «Indépendance belge»; см. «La Réforme», 16 mars 1848; «Messager de Gand».

⁶³ Maës L. «L'affaire de Risquons-Tout», p. 168. Mouscron. 1935.

⁶⁴ Bertrand L. Указ. соч. Т. I, стр. 312.

⁶⁵ Ridder A. «La crise de la neutralité belge de 1848», p. 293. pièce 168.

бельгийских штыков...»⁶⁶. Между тем 26 марта в Лилль прибыла вторая колонна бельгийского легиона, которая так же, как и первая, не имела оружия. Она была немедленно переправлена французскими властями в Секлен и в близлежащие селения. Здесь в ночь с 28 на 29 марта легионерам было роздано оружие, и 29 марта колонна направилась к бельгийской границе. Но и на этот раз в результате предательства демократов на бельгийской территории «ждали в надёжной засаде заряжённые пушки»⁶⁷. У деревушки Risquons-Tout, близ Мускрана, 29 марта произошло вооружённое столкновение между прибывшими из Франции и солдатами 5-го бельгийского линейного полка. Победа оказалась на стороне последних.

Стараниями бельгийского правительства события на франко-бельгийской границе получили общеевропейский резонанс. «В Англии существует лишь одно мнение об этом славном боевом подвиге,— сообщал 1 апреля из Лондона ван де Вейер. — Все, от лордов до простых граждан, поздравляют Бельгию, которая сумела занять в эти трудные минуты исполненную спокойствия, достоинства и мужества позицию, и восхваляют мудрость короля, преданность населения и доблесть бельгийских войск. Лорд Пальмерстон сегодня утром заявил мне: «События у Мускрана являются делом огромной важности не только для Бельгии, но и для всей Европы»⁶⁸. Министр иностранных дел Англии вполне разделял мнение бельгийского посла об опасности всеобщей войны, к которой могли бы привести вооружённые столкновения на франко-бельгийской границе. В ответ на демарш, предпринятый бельгийским послом ещё 27 марта с целью склонить английское правительство к тому, чтобы предупредить временное правительство Франции об ответственности, которую оно несёт как за происшедшие события, так и за возможность их повторения в будущем, Пальмерстон заявил 1 апреля о своём намерении дать соответствующие инструкции английскому послу в Париже лорду Норменби.

События конца марта 1848 г., сыграв на руку общеевропейской реакции и укрепив международное положение бельгийской монархии, вместе с тем способствовали укреплению позиций бельгийского правительства внутри страны. Законопроект о втором принудительном займе, вызвавший в середине марта волнения в столице и провинции и грозивший правительственным кризисом, после событий на франко-бельгийской границе был одобрен подавляющим большинством палаты. Бельгийское правительство преднамеренно раздуло этот незначительный эпизод в огромный заговор, обвинив в причастности к нему передовых демократов Брюсселя. Многие из них были без всяких оснований преданы суду.

Эти события нанесли решающий удар республиканско-демократическому движению в Бельгии. В своём выступлении в палате 4 апреля, во время обсуждения законопроекта о займе, депутат — республиканец Кастио с горечью заявил: «Если специально захотеть скомпрометировать и в некотором роде погубить республиканское дело, то нельзя было избрать для этой цели иного пути, чем тот, который был избран». Не случайно именно на этом заседании палаты Кастио сложил свои полномочия⁶⁹.

Несколько позднее, накануне новых парламентских выборов, Кастио в послании к своим бывшим избирателям (округ Турнэ), которое «Новая Рейнская газета» назвала «Манифест бельгийской республиканской партии», изложил мотивы, побудившие его отказаться и от нового мандата: «Я надеялся, что Бельгия превратится в республику и что это превращение будет совершено мирным путём, без необходимости подвергнуть её опасностям революционного кризиса. Я в это верил, я об этом говорил... Это было моё право гражданина и депутата. К несчастью, я один в палате разделял этот взгляд. При помощи запугивания, эгоизма, клеветы, а та-

⁶⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 354.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Ridder A. Указ. соч., стр. 309—310, док. 202.

⁶⁹ Bertrand L. Указ. соч. Т. I, стр. 248—250.

же благодаря вооружённым попыткам нескольких безумцев удалось внушиТЬ бельгийскому народу страх перед его собственным суверенитетом, удалось вызвать монархическую реакцию, которая из палат разлилась по всей стране. Вследствие такого различия во взглядах между мною и моими избирателями я считаю своим долгом отказаться от своего прежнего мандата и, пока это различие во взглядах существует, не могу принять и нового мандата»⁷⁰.

Ближайшие парламентские выборы 13 июня 1848 г., осуществлённые на основе нового избирательного закона, подтвердили правильность оценки, данной Кастио политической ситуации в Бельгии после событий у Risquons-Tout. Выборы проходили под знаком совместной борьбы либералов и клерикалов против их общего врага — демократов. Перед угрозой революционной опасности, вызванной событиями 1848 г., эти две крупнейшие политические партии, издавна боровшиеся между собой за политическое господство, вновь возвратились к политике единения, от которой они отказались в 1839 г.— со времени заключения мира между Бельгией и Голландией и окончательного укрепления основ независимого бельгийского государства. Соперничество между либералами и клерикалами, принявшее особо острые формы с момента либерального конгресса 1846 г., во время июньских выборов 1848 г. уступает место былому сотрудничеству обеих партий явно при перевесе либералов. На этих выборах либералы получили 85 депутатских мест в палате, католики — только 23; кроме того либералы получили 30 мест в сенате.

«Законодательные выборы 13 июня 1848 г. явились подлинным триумфом конституционного либерализма», — так характеризует июньские выборы биограф Шарля Рожье, Энриест Дискай⁷¹. В переводе на язык классовых отношений и классовой борьбы выборы 13 июня означали победу умеренного, так называемого доктринирского, большинства бельгийских либералов над их радикальным крылом, всё теснее смыкавшимся, особенно после либерального конгресса 1846 г., с демократами; означали победу крупной буржуазии, которая выступила на выборах в союзе с крупными землевладельцами, над мелкой буржуазией.

«Новая Рейнская газета» с присущей ей глубиной анализа вскрыла подлинную классовую сущность июньских выборов, показав, что они отнюдь не явились выражением воли всей страны, как это старались внушиТЬ бельгийцам умеренные либералы и их рупор — газета «L'Indépendance belge». «Страна» этих господ, — писала «Новая Рейнская газета», — это не 4 млн. бельгийцев (четвёртую часть которых составляют пауперы), а лишь 80 тыс. цензовых избирателей, которые в нашем благословленном образцовом государстве пользуются политической монополией. Эти 80 тысяч привилегированных должны были во время выборов высказаться, хотят они или не хотят отказаться от своих привилегий. Что же удивительного в том, что они высказались за то, чтобы стоять на смерть за свою привилегию, за свою политическую монополию»⁷².

Выборы принесли поражение демократической партии. «Но и там, где у демократической партии ещё имелись известные шансы, — указывала «Новая Рейнская газета», — они были уничтожены коалицией обеих консервативных фракций — феодальной и либеральной партий...»⁷³.

Июньские выборы вместе с тем продемонстрировали поправление в результате избирательной реформы 1848 г. «значительной части тех фракций имущих классов, которые ранее находились вне политической монополии и вследствие этого держались до сих пор более радикального направления». Предоставление политических прав этим, преимущественно мелкобуржуазным, слоям «объединило все консерватив-

⁷⁰ «Neue Rheinische Zeitung», 5 June 1848.

⁷¹ Discailles E. Указ. соч. Т. III, стр. 268.

⁷² «Neue Rheinische Zeitung», 19 June 1848.

⁷³ Там же.

ные классы под эгидой конституции». Вот почему «результаты избирательной реформы ничем не могли отличаться от результатов старого избирательного закона»⁷⁴.

Июньскими выборами 1848 г. завершается, в сущности, период политического маневрирования бельгийской монархии под воздействием более или менее серьёзных потрясений извне и изнутри, грозивших подорвать её основы. Монархический режим в Бельгии отстоял своё существование — это ясно показали выборы 13 июня. Хотя во второй половине 1848 г. и в последующий период в Брюсселе и в провинции имели место, на почве непрекращавшейся дороговизны и тягчайших условий существования, антиправительственные выступления масс, но сколько-нибудь серьёзной опасности для существующего режима они уже не представляли. Политическая реакция во всех других странах Европы, наступившая вскоре после июньских дней в Париже, окончательно упрочила бельгийскую конституционную монархию.

★

Среди причин, способствовавших такому исходу событий, далеко не последнее место занимала решительная победа на выборах, одержанная либеральной буржуазией Бельгии незадолго до февральской революции во Франции в июне 1847 года. Пришедшие к власти после 16-летнего господства клерикалов либеральное министерство Рожье, по собственному признанию его главы, послужило «солидной гарантией порядка». «Если бы в феврале 1848 г. — замечает Бертран, — у власти в Бельгии всё ещё стояло министерство де Тэя 1847 г., то много шансов было бы за то, что при помощи либеральной буржуазии и в силу естественной непопулярности реакционного и клерикального правительства здесь была бы провозглашена республика. Рожье, как мы полагаем, в значительной мере спас монархию»⁷⁵. Аналогичную точку зрения разделяют и другие бельгийские историки и публицисты⁷⁶. В своё время так думал и брюссельский корреспондент «Таймс», сообщавший 1 марта в Лондон: «Если бы у власти находились католики, то весьма вероятно, что я писал бы вам, находясь позади баррикады, среди ружейной пальбы и грохота пушек»⁷⁷.

И всё же в Бельгии существовали люди, которые, подобно депутату Кастио, полагали, что и при господстве либералов их стране не миновать республиканского переворота, ибо Бельгия более чем какая-либо иная страна в Европе созрела для республики. Маркс и Энгельс, в течение ряда лет жившие среди бельгийцев, ожидали республиканского восстания в Брюсселе в февральские дни 1848 года. Энгельс в марте 1848 г. писал: «Бельгийский народ настроен республикански. На стороне Леопольда в Бельгии лишь крупная буржуазия, земельная аристократия, иезуиты, чиновники и изгнанники из Франции бывшие французы, стоящие сейчас во главе бельгийской администрации и журналистики»⁷⁸. Позднее Пиренн также признавал, что в 1848 г. «никакого монархического чувства не существовало в этой стране, которая с XVI столетия имела монархами одних иностранцев: республика не могла испугать нацию, провозгласившую её в 1789 году во время восстания против Иосифа II»⁷⁹.

И тем не менее в 1848 г. бельгийские демократы оказались неспособными осуществить республиканский переворот в Бельгии. На это было много причин. Условия труда бельгийских рабочих в 40-х годах XIX столетия были значительно тяжёлее, чем в других странах Европы. Же-

⁷⁴ «Neue Rheinische Zeitung», 19. June 1848. *

⁷⁵ Bertrand L. Указ. соч. Т. I, стр. 283—284.

⁷⁶ См. «Cinquante ans de libéralité». Т. I, р. 80. Bruxelles. 1881—1882.

⁷⁷ «Times», 1 March 1848.

⁷⁸ F. Engels «Persécutions des étrangers à Bruxelles» (MEGA. Bd. 6, Abt. I. S. 588).

⁷⁹ Pirette H. «Histoire de Belgique». Т. VII, р. 56.

стокая борьба за существование целиком поглощала внимание тружеников города и деревни, пребывавших в нищете и невежестве. Католическое духовенство, пользовавшееся большим влиянием в стране (особенно среди крестьянства), успешно внушало трудящемуся населению Бельгии безропотность и покорность судьбе. Особенно сильно эточувствовалось во Фландрии. Немалую роль играло и преклонение перед конституцией, которое политические деятели Бельгии усиленно прививали широким массам на протяжении 17 лет существования бельгийского государства.

Круг передовых людей, осознавших ублюдоность бельгийских конституционных свобод и поднявших вскоре после революции 1830 г. под руководством мелкобуржуазной интеллигенции движение протеста против фактической узурпации буржуазным меньшинством политических прав трудящихся, был весьма ограничен и недостаточно организован для того, чтобы противостоять правительенным преследованиям.

Начавшийся в Бельгии, как и в других странах Европы, с конца 1846 и начала 1847 г. новый подъём демократического движения привёл, как мы видели, к созданию в ноябре 1847 г. замечательной по своим целям и выдающейся по своему составу «Демократической ассоциации», в короткое время превратившейся в международный центр борьбы за демократию. Однако после высылки из Бельгии Маркса и других политических эмигрантов, членов «Демократической ассоциации», бельгийские демократы не смогли возглавить начавшееся под влиянием экономического кризиса и революции во Франции движение народных масс.

Противоречивая и компромиссная позиция бельгийских демократов в 1848 г. отчасти объясняется той настороженной подозрительностью, с которой они относились к французской Республике. 27 февраля, когда по свидетельству Энгельса «огромная масса рабочих Брюсселя», пришедших на заседание «Демократической ассоциации», «готова была оказать активную помощь всем мерсоприятиям, которые «Ассоциация» сочтёт нужным предпринять»⁸⁰, даже самые видные бельгийские демоクラты, как, например, Жотран и Спильторн, отказались от решительной борьбы за Республику. Они были убеждены в том, что республиканский переворот в Бельгии неизбежно приведёт её в потерю независимости и присоединению к Франции. Уверенные в готовности Леопольда отречься от престола, «если того пожелает бельгийский народ», они вместо революционной борьбы против монархии изыскивали пути «осуществления конституционными средствами государственного переустройства» Бельгии в республиканском духе и попали, таким образом, по выражению Энгельса, «в расставленные для них сети, рассчитанные на то, чтобы побудить их не предпринимать ничего решительного против такого прекрасного короля, который ничего лучшего не желает, как избавиться от бремени королевской власти»⁸¹.

Но и после того, как рассеялись иллюзии бельгийских демократов относительно действительной позиции Леопольда, они продолжали уклоняться от активной политической борьбы против перешедшей в наступление монархической реакции. В опубликованном ими в середине марта, как раз в момент нового подъёма революционной волны, проекте государственного переустройства бельгийские демократы высказывались за сохранение королевской власти до тех пор, пока вопрос о форме правления в Бельгии не будет разрешён парламентом, избранным на основе нового избирательного закона. «Каков бы ни был этот результат,— гласил мартовский проект бельгийских демократов,— следствием его явилось бы установление независимости Бельгии на более прочных основах. При этом — что особенно важно — во время открытого обсужде-

⁵⁰ F. Engels «Persécutions des étrangers à Bruxelles». (MEGA. Bd. 6. Abl. I, S. 587).

S. T. A. M. K. C.

ния вопросов, затрагивающих столь крупные интересы, нация оставалась бы спокойной, а политика наших соседей не представляла бы для нас никакой опасности»⁸².

Парализованные убеждением, что только при сохранении спокойствия в стране Бельгия сможет устоять как независимое государство, бельгийские демократы, как признавался впоследствии Спильтгорн, не имели «намерения предпринять что бы то ни было, что противоречило бы закону или конституции»⁵².

Мысль о том, что республиканский переворот превратит Бельгию в приданок республиканской Франции, насаждалась правящими кругами Бельгии. «Бельгия может существовать только как монархическое государство», — писал 3 марта из Берлина бельгийский посол Нотомб, ссылаясь на то, что эту точку зрения разделяют и наиболее влиятельные политические круги прусской столицы. — Именно наличие королевской власти служит гарантей для Бельгии в глазах Европы; устранив королевскую власть, и республиканская Бельгия станет лишь приданком республиканской Франции. Это будет означать скрытое присоединение, за которым вскоре последует фактическое присоединение»⁸⁴.

Такая пропаганда, демобилизовавшая бельгийских демократов и тем самым ослаблявшая их, способствовала, напротив, активизации в стране монархической реакции. Под флагом борьбы за сохранение национальной независимости бельгийское правительство быстро мобилизовало все свои силы для того, чтобы противодействовать революционной опасности. Консолидация реакционных сил внутри страны и активная поддержка европейских держав, заинтересованных в том, чтобы не допустить усиления республиканской Франции, позволили монархии Леопольда I выйти победительницей из этой борьбы. Неорганизованность бельгийских трудящихся масс и политическая неустойчивость бельгийских демократов ускорили эту победу.

Было бы, однако, неправильно ограничивать влияние революции 1848 г. на внутриполитическую жизнь Бельгии указанными выше конституционными реформами. Нельзя игнорировать идеально-политические сдвиги, происшедшие в Бельгии в результате этой революции и оказавшие немалое влияние на дальнейшую жизнь страны.

На смену либеральному движению революция 1848 г. поставила в качестве основной задачи развитие демократического движения. «Истина, которую многие напрасно стараются скрыть от себя и которая с каждым днём становится всё более очевидной и ощутимой, — писала в июне 1848 г. газета *«L'Avenir de Charleroy»*, — состоит в том, что либеральные ассоциации отжили своё время; их собрания, дискуссии, цель, программа либерального конгресса — всё это стало анахронизмом со временем февральских дней. Сейчас место одним лишь демократическим обществам, демократическим клубам и т. д.»⁸⁵.

Газета правильно обосновывала правомерность такого сдвига. «В настоящее время, — писала она, — в конституционных государствах буржуазия, участвующая в выборах, получила почти всё, чего она могла желать. Она является сувереном и держит в своих руках судьбы своей страны. И если страна управляемся плохо... то в этом повинна буржуазия, нашедшая плохое применение своим правам... Народ же, не участвующий в выборах, тысячи раз вправе жаловатьсяся, так как он страдает не по своей вине»⁸⁶.

⁸² Jottrand L. Указ. соч., стр. 73.

⁸³ Там же, стр. 81.

⁸⁴ Ridder A. «La crise...» T. I, p. 61—62, pièce 44. M. Nothomb à M.

Offschmid. Berlin, le 3, mars 1848.
Le « Débat social » 11 juillet 1848.

⁸⁵ «Débat so
⁸⁶ Tam x e

Революция 1848 г. способствовала также критической переоценке широкими массами бельгийского народа конституционных свобод, которыми они формально пользовались и прогрессивное значение которых, в результате стараний правящих классов, ими преувеличивалось. «Французская революция,— указывала вышеизложенная газета,— открыла глаза бельгийскому народу, ... осознавшему иллюзорность равенства при положении, когда олигархия в несколько тысяч человек завладела правом конституировать страну на свой лад, не спросившихся ^{19/20} нации, которым отказано в каких бы то ни было политических правах...»⁸⁷.

Таким образом, революция 1848 г. поставила новую проблему перед бельгийским народом, привыкшим до сих пор считать свою страну очагом прогрессивных идей и более передовых, чем в других европейских странах, конституционных свобод. Эта проблема могла быть решена только путём широкого распространения в народе демократических идей и новсеместного создания демократических организаций.

Революция не могла не изменить задач и целей «Демократической ассоциации». «Прошли те прекрасные дни,— писала в октябре 1848 г. «Новая Рейнская газета»,— когда делегаты всех народов паломничали в Брюссель, чтобы за стаканом фаро (бельгийское пиво. — Е. Ж.) изучать преимущества бельгийского образцового государства»⁸⁸. После революционных событий 1848 г. стало невозможным дальнейшее существование «Демократической ассоциации» как центра международного демократического движения, ибо, как правильно указывала газета «Débat social», «демократическое движение переместились, и Бельгия не является более центром этого движения, как в конце прошлого года»⁸⁹. «Демократическая ассоциация» была в 1848 г. реорганизована. Отныне её цель определялась потребностями демократического движения в одной лишь Бельгии. Как гласил I пункт её нового устава, целью «Демократической ассоциации» отныне являлось «освобождение народа и его участие во всех благотворительных мероприятиях социального порядка»⁹⁰.

Рост демократического движения в Бельгии в результате революции 1848 г., всё расширяющаяся сеть демократических обществ, распространявшихся из более крупных городов: Брюсселя, Гента, Льежа, Вервье и др.— в менее значительные центры, появление новых демократических органов печати, многочисленные банкеты, проводимые под лозунгами борьбы за организацию демократической партии, за демократическую и социальную республику и т. д.— всё это означало новый этап в демократическом движении бельгийского народа. «Мы можем доложить нашим друзьям из провинции, — писала 30 ноября 1848 г. газета «Débat social», — что Брюссель пробуждается. Демократы столицы, слишком долго погружённые в преступный покой, поняли, что для них настало, наконец, время принять участие в усилиях, предпринимаемых со всех сторон, для того, чтобы добиться освобождения рабочих»⁹¹.

Наступал новый этап в истории бельгийского демократического движения, знаменовавший собой значительно более активное участие в политической борьбе широких народных масс, под воздействием революции 1848 г. начинавших яснее осознавать свои классовые интересы.

⁸⁷ «Débat social», 11 juin 1848.

⁸⁸ «Neue Rheinsche Zeitung», 31 Oktober 1848.

⁸⁹ «Débat social», 11 juin 1848.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Bertrand L. Указ. соч. Т. I, стр. 399.